

*Михаил Минаков,
президент Фонда
качественной политики
(Киев),
выпускник Московской школы
политических исследований
2010 г.*

Россия и Украина в поисках взаимного признания

**Что мешает России и Украине
признать друг друга как равноправных
партнеров?**

В июне 2011 года в рамках страсбургского Летнего университета демократии состоялась дискуссия между группами Московской школы политических исследований и Украинской школы политических исследований. Агрессия первой части дебатов и напряженный диалог второй меня не удивили. Мыслить стереотипами — нормально (хоть и не похвально), поскольку стереотипы дают возможность опознать и признать в Другом партнера для диалога. Но мыслить устаревшими стереотипами — значит обрекать себя и Другого на невозможность достичь хотя бы частичного взаимопонимания. Однако, по моему убеждению, наше культурное под-сознание до сих пор не позволяет в полной мере представить наши сегодняшние политические и социальные различия.

Официально Россия и Украина признали независимость друг друга в 1992 году. Неофициально же, на уровне обществ, взаимное признание до сих пор еще не произошло. Вместе с тем будущее Восточной Европы непосредственно зависит от того, насколько быстро оба общества смогут принять факт разделенности, продолжив свое развитие в новых политических, исторических и географических условиях. Последние 20 лет свидетельствуют, что поводов для оптимизма не так уж и много: взаимное признание так и остается задачей на будущее.

В этой статье я сфокусирую внимание на рассмотрении корней проблемы взаимного политического признания обществами России и Украины. Кроме того, речь пойдет о том, как незавершенность признания влияет на сотрудничество правительств, политических элит и общества в целом. Наконец, я рассмотрю неудачные попытки региональной интеграции в Восточной Европе, всякий раз разбивающиеся о днепровские пороги незавершенного признания.

Проблемная легитимность распада СССР

Распад Советского Союза был официально поддержан лидерами обеих стран. 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще Борис Ельцин и Леонид Кравчук подписали соглашение о роспуске СССР. Это было сделано после почти двухлетнего «парада суверенитетов» в союзных республиках и автономных краях. Согласно статье 72 Конституции СССР, все республики имели право выхода из Советского Союза. В то же время республиканские лидеры не были уполномочены подписывать документы об отделении. Позже, для того чтобы добавить законность этому решению, соглашение о роспуске Союза было ратифицировано Верховными Советами России и Украины. Для официального подтверждения совместного принятия решения о роспуске СССР другие государства-республики (за исключением Эстонии, Грузии, Латвии и Литвы) подписали Алма-Атинский протокол от 21 декабря 1991 года. Роспуск произошел мирным путем, и другие страны почти сразу признали новые независимые государства.

Однако советские граждане были исключены из процесса принятия решения о ликвидации СССР. В некоторой степени решение о роспуске было принято против их воли: несмотря на странную формулировку вопроса на всесоюзном референдуме 1991 года, большинство населения высказалось в поддержку сохранения и реформирования Союза. Поэтому распад СССР в глазах советских граждан был противоречивым решением: формально они его не одобрили, но и не выступили в защиту Союза в какой-либо активной форме.

Признание и легитимность постсоветской ситуации

Признание — это принятие статуса какого-либо лица или некоей группы в качестве оправданного и этически определенного Другого. Оно является той предпосылкой, которая позволяет относиться к Другому как к самому себе. Такое признание делает возможным для всех сторон вовлечение в совместные процессы с определенными ролями и обязанностями. Официальное признание является политическим актом между государствами, приводящим к утверждению статуса друг друга как де-юре равных и де-факто суверенных субъектов, и полагает начало для сотрудничества между ними в международных отношениях. Но есть еще и признание неформальное, укорененное в общественном сознании. Именно оно является тем долговременным культурным фактором, который предопределяет взаимодействие культур и больших групп людей.

Легитимность политических режимов в постсоветской культурной ситуации была изначально проблематична и неокончательна. Потребовалось некоторое время для новых наций Восточной Европы, чтобы принять факт их собственного суверенитета, который предполагает два важных измерения:

- новый политический и социально-экономический порядок
- новую политическую географию.

Это означает, что постсоветский человек должен был принять ценности и правила, которые были не только новы для него, но и осужда-

лись ранее. Люди должны были признать нормальность и легитимность рыночных отношений и социального неравенства. Кроме того, советский человек был вынужден согласиться с тем, что в народе называют «жить с моими родичами в разных странах». Было почти невозможно согласиться с тем, что твои родители, дети, братья и сестры неожиданно стали иностранцами. Официальное признание новой политической географии не совпадало с инерционным восприятием сложившейся ситуации на культурном, личном, семейном и общинном уровнях.

Со временем легитимность новых социальных и геополитических укладов становилась все более признанной, и к концу 90-х годов постсоветская политическая культура начала терять свое единообразие. При этом процессы создания политических наций повели Россию, Украину и другие страны Восточной Европы в различных направлениях. В связи с этим второе десятилетие постсоветской истории было омрачено растущей враждебностью между политическими элитами в Восточной Европе.

Сфера политического и изобретение Врага

В 90-е годы направление развития России и Украины было почти идентичным, различалась лишь скорость изменений. Украинским и российским экспертными сообществами замечено, что на протяжении этого десятилетия события в Москве, как правило, повторялись в Киеве с задержкой в 2 года. Но это незначительное временное отклонение привело к существенным различиям в первом десятилетии XXI века. В отличие от России, Украине удалось избежать войн и добиться политического плюрализма. После достижения признания внутренней легитимности наших политических режимов значительными группами населения, в точном соответствии с учением пророка-циника Карла Шмитта о «политическом» (*das Politische*)*, началось определение стиля и содержания взаимоотношений между Украиной и Россией.

Согласно концепции Карла Шмитта, любое государство существует лишь постольку, поскольку его политическая концепция бытия отличается от позиции Врага. На основе этого одно государство вступает в борьбу с другим, которое приобретает статус Врага, не имеющего ни права быть, ни права на уважение. Таким образом, по логике «политического» нелегитимный Другой — это по определению враг, а собственный образ политической жизни объявляется высшей ценностью.

Нечто подобное происходит в последнее десятилетие и между Украиной и Россией. Став признанными самими собой политическими образованиями, российское и украинское общества склонны видеть в Другом врага, а их политические классы приписали эти символические роли друг другу.

Российские социологические исследования показывают, что во втором десятилетии после распада Советского Союза, россияне перестали ждать воссоединения России и Украины: если в 2001 году объе-

* Schmitt, C. *Der Begriff des Politischen*. — München: Duncker Humblot, 1932. — S. 31 и.в.

нения желали 56%, в 2004-м — 44%, то в 2006-м лишь 38% опрошенных*. Благодаря эффективной пропаганде политических элит, украинское государство стало рассматриваться как враг России довольно значительным количеством населения: к концу 2008 года негативно относилось к Украине 34% населения России и 55% продолжало относиться к ней положительно**.

В Украине политической элите пока не удалось сделать Россию врагом для значительной группы населения, хотя такой образ существует в политической элите. Высшая точка негативного отношения — 2006 год, когда 15% украинцев выразили негативное отношение к России (при этом 71% опрошенных положительно оценил соседа)***. Но два года спустя, в 2008 году, уже 88% украинцев положительно относились к России, и только 7% опрошенных отрицательно****. В то же время к концу 2010 года только 20% украинцев и 19% русских поддержали идею воссоединения России и Украины*****.

Я истолковываю приведенные данные в том ключе, что оба общества медленно, но уверенно двигались к принятию факта их политического различия и понимания того, что их национальные интересы могут быть различны или даже конфликтны. При этом большие части населения оставались позитивно настроенными друг к другу. Однако моя гипотеза состоит в том, что позитивное отношение концентрируется в группах, удаленных от участия в политической и государственной жизни. Чем ближе россиянин или украинец к центру политической жизни, чем глубже он вовлечен в политику, тем больше вероятность его/ее негативного отношения к политически Другому.

Таким образом, политические элиты являются движущей силой взаимного непризнания в России и Украине. Взаимное «изобретение» образа врага в настоящее время становится серьезным препятствием для развития нормальных отношений между Украиной и Россией.

Нелегитимная интеграция

Трудности с взаимным признанием особенно заметны в тех интеграционных попытках, которые так и не привели к успешному структурированию межгосударственного сотрудничества бывших советских республик в последние два десятилетия.

Наиболее заметным в этом плане был интеграционный проект «Содружество независимых государств» (СНГ). Созданное в 1993 году Содружество является региональной организацией 9 стран-членов из 15 бывших советских республик (в настоящий момент

* См.: Бавин П. Отношение к украинцам и Украине <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominan2006/dom0636/dd063629#d063615>

** Там же.

*** Общенациональный опрос на Украине. База данных фонда «Общественное мнение». <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominan2006/dom0636/dd063629#d063615>

**** Украинцы относятся к России значительно лучше, чем россияне к Украине. Стратегизум: Политическое экспертное сообщество http://strateger.net/Ukr_i_Rus_-_otnoshenie_drug_k_drugu

***** Там же.

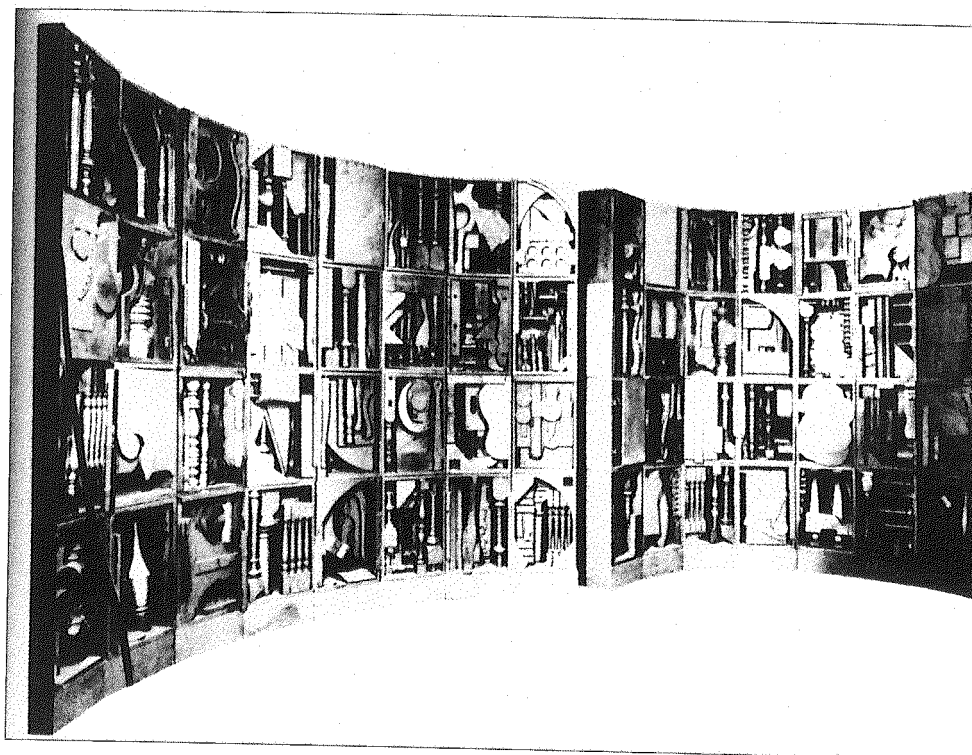
Украина и Туркменистан являются наблюдателями, но не его членами, хотя Украина была одной из трех стран-основателей СНГ, но, не ратифицировав Устав СНГ, стала участником со странным статусом). Сегодня СНГ является своего рода символической организацией, которая лишь номинально координирует отношения в сфере экономического сотрудничества, торговли, безопасности, а также проводит многосторонние встречи правительств и парламентов стран-участниц.

Осознавая очевидное бессилие СНГ, руководство России сделало несколько попыток использования мягкой силы культурного капитала для интеграции. К примеру, идея «русского мира» как культурной платформы для восточноевропейской интеграции могла быть плодотворной: она избегала формальных определений, отсылала к общим историческим корням и по своей сути была приемлема для Беларуси, России и Украины. Но способность нынешней России к региональной интеграции крайне низка из-за неготовности российских политических элит понимать потребности и интересы соседних стран. А элиты последних, включая Украину, отвечают такой же неготовностью. В недавнем прошлом официальный Киев выступил с несколькими интеграционными проектами. Один из них имел некоторую поддержку среди части бывших советских республик. Официально проект назывался «Организация за демократию и экономическое развитие — ГУУАМ» и был создан в 1997 году Грузией, Узбекистаном, Украиной, Азербайджаном и Молдовой. В 2005 году, когда этот полумертвый проект попытались оживить правительства, пришедшие к власти после «цветных революций» в Грузии и Украине, Узбекистан отказался от участия в организации. Судьба ГУАМ сходна с СНГ. Если СНГ был инструментом влияния российских политических элит на соседей, то ГУАМ — способ ограничить возможности России влиять на постсоветские государства.

Отсутствие консенсуса в создании межгосударственных русско-украинских механизмов партнерства — результат незавершенного взаимного признания обществами Восточной Европы. Метафоры о братстве Украины и России утратили свой смысл в интригах должностных лиц стран СНГ и местных националистов. Иллюзорность интеграции становилась все более очевидной, а акты символического непризнания все более выразительными. Каждая попытка интеграции между Украиной и Россией приводила к еще большей розни элит и усиливала разделение в регионе.

При этом неспособность постсоветских восточноевропейских элит к интеграции обществ (то есть к консенсусным решениям) не означает их неспособности к компромиссам и сотрудничеству в интересах собственно элит. «Харьковские соглашения» 2010 года — яркий пример того, как интересы финансово-политических групп России и Украины могут становиться основой межгосударственных договоренностей.

Специфика развития обществ и политических элит привела Восточную Европу к значительной самоизоляции стран региона. Медленная социальная и техническая модернизация Украины и России сделала нас менее конкурентоспособными по отношению к внешнему миру и более конфликтными в отношениях с соседями в регионе. Идеологическая бедность политической жизни в обеих странах привела к доминирова-

Луиза Невельсон. Память о 6 000 000. 1964

нию различных видов консерватизма и иррациональной близорукой технократии, что запустило механизмы воспроизводства негативного взаимного описания россиян и украинцев.

Подводя итог, хотел бы подчеркнуть, что нерешенность вопроса взаимного признания нашими обществами является основной причиной конфликтов в Восточной Европе. Маятник российско-украинского диалога качается от «газовой войны» к «харьковским соглашениям» и обратно. И тут вполне логично будет ответить Лене Немировской на ее вопрос, заданный в Страсбурге и, как мне кажется, оставшийся без ответа. Достаточно ли только понимать причины непродуктивности российско-украинского диалога, чтобы сделать его более результативным? Нет, не достаточно. Я уверен, что стратегию диалога российского и украинского обществ нужно выстраивать, понимая, что цель этого диалога — взаимное признание, признание легитимности новых политических реалий, а также поиск нового содержания для регионального сотрудничества. Реальная интеграция может начаться лишь тогда, когда обе эти цели будут достигнуты.

Мирное развитие всей Восточной Европы зависит от того, насколько рациональными и прагматичными будут Украина и Россия в их совместных стратегиях. Признание необходимо для стабильного развития Украины, России и других стран на постсоветском пространстве в целом. Общества России и Украины должны принять реальность существования двух политических образований и начинать строить отношения по-новому, уважая общее прошлое.